

Ирина
Бросневич

ИЗМЕНА ВОИЗ МОЕГО СЕРДЦА!

Инна Вронская

Измена. Вон из моего сердца!

<https://litres.ru/74314259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ради спасения семьи Таня согласилась на фиктивный развод — так предложил муж, испугавшись врагов в бизнесе. Но едва документы были подписаны, выяснилось: развод был нужен не для защиты, а для того, чтобы освободить место для другой женщины — настоящей любви мужа и матери его сына. Десять лет брака оказались чужой игрой, а Таня — лишь нянькой для чужого ребёнка. Теперь, растоптанная и преданная, она начинает войну — и на этот раз проигрывать не намерена.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Инна Вронская

Измена. Вон из моего сердца!

Глава

Глава 1

— Тань, садись. Новости не очень...

Ирка не поднимает на меня глаза. Она крутит в руках ручку, вертит, словно не знает, с чего начать. А я уже все понимаю. Я же врач, я тоже так умею — молчать, когда слова тяжелые, как камни.

— Ир, не тяни кота за хвост. Говори. Как есть.

Она поднимает голову, и я вижу в ее глазах эту проклятую жалость. Врачебную, привычную, но от этого не менее острую.

— АМГ у тебя почти на нуле, Таня. Понимаешь? В яичниках пусто.

— Понимаю, — говорю я, и голос мой звучит глухо, будто из бочки. — Мертвая я. Бесплодная.

— Не надо так. Есть же ЭКО, донорские программы...

— Ир, ты сама знаешь шансы. Не надо меня утешать.

Я смотрю на свои руки. Руки врача-неонатолога. Эти ру-

ки каждый день касаются новорожденных. Эти руки спасают жизни. Эти руки умеют все — выходить шестисотграммовую кроху, поставить капельницу в вену толщиной с волосок, сделать массаж сердца, когда оно остановилось.

А своих детей у этих рук не будет.

Никогда.

— Тань... может, поплачешь? Легче станет.

— Ир, мне на дежурство пора. Там дети. Им плевать на мои яичники.

Я встаю, натягиваю халат, поправляю шапочку. Спина прямая. Улыбка на лице.

Только в коридоре, когда никто не видит, прижимаюсь лбом к холодной стене и позволяю себе одну минуту слабости.

Одну минуту.

А потом иду работать.

Ночное дежурство тянется бесконечно. Я проверяю малышей, пишу назначения, спорю с медсестрами. Делаю все на автомате, потому что если думать — я расклеюсь.

А мне нельзя. Я врач.

В третьем часу ночи меня вызывают в приемное отделение.

— Татьяна Сергеевна, там роженица без документов! Ребенка оставила и сбежала!

Когда я вхожу в палату, вижу маленький сверток в кювезе.

Такой крошечный, такой беззащитный. Рядом суетятся медсестры, но я их не слышу. Я подхожу ближе и слушаю дыхание малыша.

Хрипы. Свист.

Пневмония. Начало. Но если быстро начать лечение, все будет хорошо.

Я смотрю на мальчика. Крепенький, крупный. Богатырь. Наверное, под четыре килограмма родился. Мать родила такого красавца и сбежала.

Как так можно?

— Можно я его возьму? — спрашиваю я медсестру.

— Конечно, Татьяна Сергеевна.

Я беру его на руки. Осторожно, бережно, как хрупкое соколовище. Он тяжеленький, теплый, пахнет молоком и чем-то неуловимо родным. Я прижимаю его к себе, качаю, и в этот момент...

Он открывает глаза.

Смотрит прямо на меня.

И улыбается.

Беззубой, младенческой, невероятной улыбкой.

У меня сердце останавливается.

— Здравствуй, малыш, — шепчу я. — Здравствуй, мой хороший.

И тут я замечаю родинку. На правой щечке, чуть ниже скулы. Аккуратная, ровная, как горошинка. Красивая. Счастли-

вая.

Сестры говорят, что роженица оставила только номер телефона. Отца. Ни имени, ни документов, ни записки. Только номер на клочке бумаги.

Я назначаю лечение. Антибиотики, кислород, наблюдение. Мальчик сильный, он справится. Я чую это каждой клеточкой. Он боец.

Часа через три, когда все более-менее устаканилось, я сижу в ординаторской и смотрю на этот номер. Обычный мобильный. Ни имени, ничего.

Надо звонить. Надо сообщить этому мужчине, что у него есть сын.

Я набираю цифры. Гудок. Еще гудок.

— Слушаю, — раздается в трубке.

Голос низкий, глубокий, стальной. Такой голос бывает у людей, которые привыкли командовать. У людей, которых ничем не проймешь.

— Я из роддома звоню, врач Татьяна Левашова — говорю я, и слышу, как мой голос дрожит. — У вас сын родился. Мальчик. Роженица оставила ребенка и ушла. У мальчика пневмония, он в реанимации.

Тишина.

Длинная, тяжелая тишина.

— Адрес, — говорит стальной голос. — Я буду через час. И кладет трубку.

Ни шока. Ни вопросов. Ни сомнений. Просто «буду через

час».

Кто он такой?

Час пролетает как одно мгновение. Я то захожу к малышу, проверяю сатурацию, то выглядываю в окно. Дура. Какая мне разница?

Ровно через час в дверь ординаторской стучат.

— Войдите, — говорю я.

И он входит.

Высокий. Очень высокий. Широкие плечи, темный деловой костюм. Дорогой костюм. Лицо суровое, волевое, с тяжелой челюстью.

Но я смотрю не на костюм и не на челюсть. Я смотрю на его щеку.

Потому что на правой щеке, чуть ниже скулы, у него родинка.

Точно такая же, как у малыша.

— Бестужев Владимир, — говорит он. — Где мой сын?

Я молча киваю и веду его в реанимацию. Иду и чувствую спиной его взгляд — тяжелый, пронзительный.

У кувеза он останавливается. Смотрит на мальчика долго, очень долго. Молчит. Потом протягивает руки к окошку и говорит:

— Можно?

— Конечно, — отвечаю я. — Он очень сильный, боец.

Он открывает кувез, и я вижу, как его большие сильные руки берут это крошечное тельце. Как бережно он прижимает сына к груди. Как закрывает глаза.

А потом на его лице появляется улыбка.

Суровое лицо становится мягким, почти нежным.

— Сын, — шепчет он. — Сыночек...

Я стою и смотрю, и почему-то мне хочется плакать. Может, от усталости. Может, от моего диагноза. А может, просто оттого, что в этой палате происходит чудо.

— А где мать? — спрашиваю потом, когда мы выходим в коридор.

Он пожимает плечами. Спокойно так, будто речь о погоде.

— Юля? Исчезла. Полгода назад. Сказала, что хочет свободы. Я и не знал, что она беременна.

— Она оставила только ваш номер, — говорю я. — И сбежала.

— Это на нее похоже, — усмехается он горько. — Юля всегда выбирает легкие пути.

Дни летят как безумные. Мальчик идет на поправку — я же говорила, он сильный. Владимир приезжает каждый день. Сначала на час, потом на два, потом на полдня. Стоит у кувеза, разговаривает с сыном, гладит через окошко.

А я вожусь с ними обоими.

Показываю Владимиру, как пеленать. Он смотрит на меня

как на инопланетянку, когда я впервые беру в руки памперс.

— Вот так, — говорю я. — Подворачиваем, застегиваем. Чтобы не протекало.

— Подворачиваем, — повторяет он и записывает в телефон. Серьезно, как отчет по бизнесу.

— А смесь? — спрашивает он. — Какую покупать? Как разводить? Сколько давать?

Я объясняю. Он записывает.

— А если ночью не спит? Если плачет? Если животик болит?

Я терпеливо отвечаю. Он записывает.

Смешной. Такой большой, такой серьезный — и записывает, сколько граммов смеси на одно кормление.

А однажды я захожу в палату и вижу: Владимир сидит в кресле, Родион — он назвал его Родионом — лежит у него на груди, и оба спят. Папа и сын.

У меня сердце останавливается.

Я пятый день не думаю о своем диагнозе. Пятый день не плачу по ночам. Пятый день просто живу.

Между нами что-то происходит. Я чувствую. Иногда он смотрит на меня так, что мне становится жарко. Иногда я ловлю себя на том, что жду его прихода. Иногда наши руки случайно касаются, и я замираю.

Глупая. Какая же я глупая.

Родиона выписывают. В день выписки я стою у окна в ординаторской и смотрю, как Владимир укладывает сына в ав-

токресло. Осторожно, неумело, но с такой любовью...

А потом он поднимает голову, видит меня в окне и машет рукой. И я машу в ответ.

Думаю: все. Конец. Они уедут, и я останусь одна со своей пустотой.

Но вечером мой телефон звонит.

— Татьяна Сергеевна, — говорит Владимир, и в его стальном голосе сейчас нет стали. Есть что-то другое. Просящее. Почти беззащитное. — Я понимаю, что не имею права просить. Но я не справляюсь.

Я молчу.

— Родион плачет, я не понимаю почему. Может, голодный, может, животик болит. Я не знаю, как часто кормить, когда купать, что делать, если температура. Я бизнесом управлять умею, тысячными коллективами. А тут...

Я сжимаю трубку.

— Помогите нам, — говорит он. — Пожалуйста. Просто будьте рядом. Пока он не окрепнет. Я заплачу любые деньги.

— Дело не в деньгах, — шепчу я.

— А в чем?

Я смотрю в окно на ночной город. Вспоминаю родинку на щеке малыша. Его улыбку. Тяжелую руку Владимира, который вчера случайно коснулся моей.

Вспоминаю слова Ирки.

«Естественная беременность невозможна».

Внутри у меня что-то щелкает.

— Я приеду, — говорю я. — Завтра с утра.

Пауза. И потом:

— Спасибо, Таня. Я очень жду... Вас.

Он впервые назвал меня по имени. Раньше только по отчеству.

Я кладу трубку, прижимаю руки к груди и чувствую странное тепло.

Может, судьба дает мне шанс стать счастливой?

Глава 2

— Мам, смотри, это ты! — Родион протягивает мне рисунок. Каляки-маляки, в которых угадывается женская фигура в платье. — Красивая?

Пять лет.

Пять лет прошло с той ночи, когда я впервые взяла на руки чужого ребенка и назвала его своим.

Я смотрю на Родиона сейчас. Он сидит за кухонным столом, рисует что-то в альбоме, сопит от усердия. На правой щеке — родинка. Моя родинка. Я имею право так говорить, потому что я его мать. Не та, что родила и сбежала. А та, что не спала ночами, лечила температуру, учила ходить и говорить.

— Очень красивая, — я целую его в макушку. — Ты мой художник.

Пять лет назад я переступила порог дома Владимира Бестужева с одной сумкой и кучей страхов. Думала: побуду немного, помогу, а потом уйду. Не ушла.

Как можно уйти, когда этот маленький человечек тянет к тебе ручки и кричит «мама»? Как можно уйти, когда Владимир смотрит на тебя так, будто ты — единственное светлое пятно в его темном мире?

Через год он сделал мне предложение. Без цветов, без романтики, по-деловому.

— Таня, выходи за меня. Родиону нужна мать. А мне... — он запнулся тогда. — Мне нужна ты.

Я согласилась. Ушла из роддома. Ушла из медицины. Стала просто женой и мамой.

Владимир оказался человеком сложным. Строгим. Иногда жестким. Он требовал порядка во всем, не терпел возражений, мог отчитать за неправильно поданный ужин. Но я любила его. Любила за то, как он смотрит на Родиона. За то, как по ночам обнимает меня во сне. За то, что дал мне то, чего я уже никогда не надеялась получить — семью.

Деньги? Их было много. Очень много. Загородный дом, машина с водителем, отдых на лучших курортах, шубы, украшения. Владимир говорил: «Твое дело — быть красивой и счастливой. Остальное я возьму на себя».

Я была красивой. Я старалась быть счастливой.

Но последние месяцы...

Последние месяцы Владимира почти нет дома. Командировки, встречи, переговоры. Он приезжает поздно, уезжает рано. Иногда мне кажется, что я живу с призраком.

— Мам, а папа приедет сегодня? — Родион отрывается от рисунка.

— Не знаю, родной. Папа очень занят.

— Он всегда занят, — вздыхает ребенок, и у меня сжимается сердце.

Вечером я укладываю Родиона, читаю сказку, целую в лоб. Спускаюсь вниз и вижу свет в кабинете Владимира. Он дома? Не слышала, как вошел.

Подхожу к двери. Она приоткрыта. Я заглядываю и замираю.

Владимир сидит за столом в кресле. Перед ним — бутылка коньяка и дымящаяся сигара. Он курит? Он никогда не курил при мне. Лицо у него серое, осунувшееся, глаза пустые.

Я не видела его таким никогда. Никогда за пять лет.

— Володя? — я вхожу в кабинет. — Что случилось?

Он поднимает на меня глаза. Долго смотрит. Будто видит в первый раз.

— Таня, — говорит он глухо. — Нам нужно поговорить.

У меня холодеет внутри. Я сажусь напротив, сжимаю руки в замок, чтобы не дрожали.

— Я слушаю.

— У меня проблемы в компании. Серьезные проблемы.

— Он делает глоток коньяка прямо из горла. — Важные люди хотят отжать бизнес. Очень жестокие. Опасные.

— Володя...

— Дослушай. — Он поднимает руку. — Я не хочу подвергать вас с Родионом опасности. Если эти люди поймут, что у меня есть семья... ты представляешь, что они могут сделать?

Я представляю. Я слишком хорошо представляю. В моей практике было всякое.

— Что ты предлагаешь? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

— Фиктивный развод. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Мы разводимся на бумаге. Ты с Родионом уезжаешь, я решаю проблемы. Когда все утрясется — распишемся снова.

— Фиктивный... развод?

— Таня, это единственный способ вас защитить. Я не могу рисковать вами. Ты понимаешь?

Я понимаю. Я врач, я привыкла принимать сложные решения. Но это... это же наша семья. Наша жизнь.

— А если... если что-то пойдет не так?

— Не пойдет. — Он встает, подходит ко мне, берет за плечи. — Я все продумал. Юрист уже готовит документы. Ты просто подпишешь бумаги, и все. На время.

Я смотрю на него. На его усталое лицо, на седину в висках, которой не было пять лет назад. Он прав. Он хочет нас защитить.

— Хорошо, — говорю я тихо. — Если это нужно для Родиона... я согласна.

Он прижимает меня к себе. Целует в макушку.

— Спасибо, Таня. Ты у меня самая лучшая.

Я зарываюсь лицом в его грудь и чувствую, как пахнет от него коньяком и табаком. Чужой запах. Не его.

Но я гоню эти мысли прочь.

Через неделю мы сидим в кабинете юриста. Дорогой кабинет, кожаные кресла, тяжелые шторы. Родион бегаёт по ковру с машинкой, которую дал ему добрый дяденька в очках.

Владимир молчит. Он сегодня особенно суровый, особенно далекий. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он смотрит в окно, на серое небо.

— Татьяна Сергеевна, подпишите здесь, здесь и здесь, — юрист протягивает мне документы.

Я беру ручку. Смотрю на Владимира.

— Володя?

— Подписывай, — говорит он не оборачиваясь. — Так надо. Все будет хорошо.

Я подписываю. Лист за листом. Фамилия Бестужева перестаёт быть моей.

— Готово, — говорю я тихо.

И тут Владимир поворачивается.

— Позовите ее, — говорит он юристу.

— Кого? — я не понимаю.

— Сейчас увидишь.

Дверь открывается. Входит женщина. Молодая, красивая, с волосами цвета спелой пшеницы. На ней дорогое платье, на губах — уверенная улыбка.

- Родя, мой родненький сынок, иди ко мне я так скучала! Мама теперь здесь! Навсегда!

Родион пятится назад и смотрит не меня испуганно.

Блондинка подходит к Владимиру и кладет руку ему на плечо. По-хозяйски. Будто имеет право.

Юрист протягивает ей документы. Она подписывает их, даже не глядя.

Я смотрю на нее и не могу пошевелиться.

— Таня, — голос Владимира режет, как нож. — Познакомься. Это Юля. Настоящая мать Родиона.

Я молчу. Я не могу дышать.

— Спасибо тебе за заботу, — продолжает он. — Ты была хорошей нянькой для моего сына. Но теперь ты больше не нужна. Я всегда любил только Юлю. А ты... ты просто вовремя попала под руку.

— Что? — это единственное слово, которое я могу выдать из себя.

— Ты слышала. — Он смотрит на меня холодно, равнодушно. Как на чужую. — Подписи поставлены, брак расторгнут. Ты свободна. Хотя, может останешься в качестве прислуги? Что скажешь?

Глава 3

— Нет.

Я говорю это тихо, но твердо. Смотрю Владимиру прямо в глаза и не отвожу взгляд.

— Что значит нет? — он хмурится, будто не расслышал.

— Я не оставлю Родиона. Ты сошел с ума, если думаешь, что я уйду просто так.

В кабинете повисает тишина. Юля перестает улыбаться, смотрит на меня с недоумением. Владимир медленно встает из-за стола.

— Таня, не устраивай истерику. Все уже решено.

— Кем решено? Тобой? — голос мой дрожит, но я держусь. — Я пять лет была ему матерью! Пять лет! Я растила его, я ночами не спала, я выхаживала, когда болел! А она? — я тычу пальцем в Юлю. — Где она была все эти годы?

— Таня...

— Нет, это ты послушай! — я уже не контролирую себя. — Ты использовал меня! Ты взял меня, как няньку, как домработницу, как...временную жену! А теперь говоришь «спасибо за работу»?

Владимир делает шаг ко мне. Лицо у него каменное.

— Ты получишь деньги. Хорошие деньги. Я не жадный.

— Да плевала я на твои деньги! — кричу я. — Верни мне сына!

Родион подбегает ко мне, теребит за край платья. Глаза у него испуганные, щеки мокрые от слез.

— Мама! — кричит он и бросается ко мне. — Мама, не уходи!

Я приседаю, раскрываю руки, чтобы обнять его. Но в этот момент в кабинет входят двое мужчин в черном. Охрана. Один из них хватается Родиона поперек туловища.

— Пустите! — орет мальчик. — Пустите! Это моя мама! Мама-а-а!

— Не трогайте его! — я бросаюсь к ним, но второй охранник загораживает мне дорогу. — Отпустите ребенка!

— Уведите, — коротко бросает Владимир.

Охранник с Родионом на руках выходит. Мой мальчик тянет ко мне руки, бьет ногами, кричит так, что у меня сердце разрывается:

— Мама! Мама, не оставляй меня! Мамочка!

— Родя! — я пытаюсь вырваться, но железные руки держат крепко. — Роденька!

Дверь закрывается. Крик обрывается.

Я падаю на колени. Прямо на этот дорогой паркет. Воздуха нет. Сердце сейчас лопнет.

— Тварь, — шепчу я. — Тварь ты, Владимир.

Он смотрит на меня сверху вниз. Равнодушно. Как на пустое место.

— Заберите ее, — говорит он охраннику.

В этот момент в кабинет вносят два чемодана. Мои чемоданы. Те, с которыми я пришла в этот дом пять лет назад.

Их ставят рядом со мной.

— Все подарки и украшения оставляю тебе, — говорит Владимир. — Спасибо за работу в качестве жены. Ты была... неплоха.

Неплоха.

Я была неплоха.

Пять лет жизни. Пять лет любви. Пять лет материнства.

— Неплоха? — я медленно поднимаюсь с колен. Смотрю на него и чувствую, как внутри закипает такая ярость, какой я никогда не знала. — Неплоха?

Я подхожу к нему. Он не двигается. Смотрит свысока.

И тогда я размахиваюсь и бью его по щеке.

Звонко. Сильно. Так, что ладонь обжигает.

Юля ахает. Владимир хватается за щеку, глаза у него наливаются кровью.

— Ты...

— Я не оставлю Родиона, — говорю я тихо, чеканя каждое слово. — Костьми лягу, но верну его. Ты меня не знаешь, Бестужев. Ты думал, я удобная игрушка. А я мать. И за своего ребенка буду драться.

Юля вдруг смеется. Тонко, противно.

— Ой, не смейся, — говорит она, поправляя волосы. — Какой ребенок? Родиона я родила. Он мой по крови. А ты так... прислуга.

Я смотрю на нее. Красивая. Ухоженная. Сытая. И пустая внутри.

— Посмотрим, — говорю я. — Посмотрим, кто из нас мать.

Я разворачиваюсь, беру чемоданы и выхожу. Спина прямая. Зубы сжаты. Если я позволю себе сломаться сейчас — все пропало.

В лифте меня трясет так, что я прижимаюсь к стене. Выхожу на улицу, тащу чемоданы к остановке. Сажусь на скамейку и смотрю в одну точку.

В ушах стоит крик Родиона.

«Мама! Не оставляй меня!»

Я закрываю глаза и вою. Тихо, в себя. Чтобы никто не слышал.

Съемная квартира — маленькая клетушка с продавленным диваном и обоями в цветочек. Я сижу на этом диване третий день. Не ем. Не сплю. Просто сижу и смотрю в стену.

Если закрыть глаза — вижу Родиона. Его родинку на щеке. Его пальчики, которыми он дергал меня за рукав, когда хотел что-то сказать. Его голос: «Мама, почитай сказку». «Мама, я тебя люблю». «Мама, ты самая красивая».

Я открываю глаза — пустота.

Телефон молчит. Владимир даже не позвонил. Зачем? Он получил, что хотел.

На четвертый день я беру себя в руки. Умываюсь, крашу губы, надеваю единственный приличный костюм. Иду в суд.

Я требую вернуть мне сына.

Через две недели назначают первое заседание.

Здание суда огромное, холодное, казенное. Я сижу на скамье в коридоре и жду. Руки дрожат, я сжимаю их в кулаки.

— Татьяна Сергеевна? Приглашаем.

Захожу в зал. Вижу Владимира. Он сидит за столом в окружении адвокатов. Дорогих, холеных, с холодными глазами. Юли нет. Она слишком важная, чтобы присутствовать на таких мелочах.

Начинается заседание. Я говорю, что пять лет была матерью Родиону. Что я воспитывала его, лечила, любила. Что биологическая мать бросила его при рождении.

Адвокат Владимира встает. Улыбается. Начинает говорить.

— Уважаемый суд! Истица не имеет никаких законных прав на ребенка. Она не родственница, не опекун, не усыновитель. Она просто женщина, которая некоторое время жила с отцом ребенка. Биологическая мать жива, здорова и желает воспитывать сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.